

Плотникова-Лисайчук А. А.
(Украина)

О ТРАДИЦИЯХ ПОЭТОВ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ А. Н. ВЕРТИНСКОГО

Раннее творчество А. Н. Вертинского формировалось под влиянием традиций поэтов Серебряного века как на идейном уровне, так и на уровне образов. В статье раскрыты традиции творчества этого автора.

Ключевые слова: поэзия, образы, традиции.

Постановка проблемы. В начале прошлого столетия в литературе осуществляются смелые эксперименты, трансформируется система ценностей и образный язык. Среди новаций той поры можно выделить и формирование массового искусства. «В стремлении писателей максимально сблизиться с «массами», в их апелляции к вкусам массового читателя и готовности им соответствовать отразилось своеобразие социокультурной атмосферы России начала XX века», – пишет М. Черняк [1, с. 61]. А. Вертинский также стремился стать популярным автором и востребованным слушателями исполнителем своих песен, и это ему удалось. «Однажды, проснувшись утром, я выяснил, что я уже несомненная знаменитость. Действительно, билеты в Петровском театре на все мои выступления были раскуплены на всю неделю вперёд, получал я уже сто рублей в месяц. Нотные магазины на Петровке были завалены моими нотами: «Креольчик», «Жамэ», «Минуточка»» [2, с. 83]. Выходило так, что песни Вертинского отвечали запросам самых широких кругов публики той поры.

Цель – рассмотреть традиции поэтов Серебряного века в раннем творчестве А. Н. Вертинского.

Изложение основного материала. В своём стремлении выйти к широкой аудитории зрителей-слушателей на раннем этапе своего творчества А. Вертинский не был одинок. И. Соколова отмечает, что многие русские поэты писали песни, а «некоторые из них ещё и исполняли собственные сочинения» [3]. К ним она относит Д. Давыдова, Ап. Григорьева, И. Северянина, М. Кузмина, Н. Тэффи, В. Соснору. Характеризуя ту социокультурную ситуацию, которая сложилась в 1910-е годы, Н. Мандельштам отмечала: «Поэты уже осваивали новую

профессию – эстрадников. Я говорю не о вечерах стихов, а именно об эстрадном жанре, в котором в 10-х годах подвизались преимущественно «вербовщики» аудиторий и читателей – футуристы, а также Северянин, причислявший себя к каким-то особым футуристам» [5, с. 254]. Эти наблюдения Н. Мандельштам верны. Б. Лившиц также вспоминал о совместном выступлении И. Северянина и В. Маяковского. Он отмечает, что популярность Северянина и его успех у женщин будили в Маяковском скорее не зависть, а соревновательное нетерпение: «Оба читали свои лучшие вещи, стараясь перещеголять друг друга в аудитории, состоявшей сплошь из женщин» [3, с. 457]. (Состав аудитории объяснялся тем, что чтение стихов происходило в помещении женских курсов.) Интересно и то, что Б. Лившиц замечает, что Северянин стихи не читал, а пел: «Как известно, он пел свои стихи на два-три мотива из Тома: сначала это немного ошарашивало, но, разумеется, вскоре приелось» [5, с. 457]. Б. Лившиц отмечал, что Северянин разработал целую систему приёмов, рассчитанных на «покорение наивных сердец» своих слушательниц.

О чём-то сходном писал и Н. Гумилёв, оценивая «дерзания» поэта: «ООн больше всех дерзает. Конечно, девять десятых его творчества нельзя воспринимать иначе, как желание скандала или как ни с чем не сравнимую жалкую наивность. Там, где он хочет быть элегантным, он напоминает пародии на романы Вербицкой, он неуклюж, когда хочет быть изящным, его дерзость не всегда далека от нахальства» [4, с. 118]. Здесь интересно сравнение поэзии И. Северянина с романами Анастасии Вербицкой, которые большинство исследователей относят к формировавшейся тогда массовой литературе. Парадокс этого сбли-

жения состоит в том, что поэзия, которая всегда воспринималась как высокая литература, в этом случае сближается с массовой, что было знаменем времени. Разумеется, стихи И. Северянина к массовой литературе относить не следует, но их можно определить как некое явление, занимающее срединное положение между элитарной и массовой литературой. Во всяком случае, в это время и поэты стремятся к широкой популярности, которая становилась наглядной в тех случаях, когда они сами исполняли свои произведения.

Исполнял свои стихи как песни и М. Кузмин. К тому времени, когда Вертинский стал петь свои «арии», он был уже хорошо известен в литературных и музыкальных кругах и, вероятно, оказал влияние на молодого артиста. Кстати сказать, Б. Лившиц отмечал, что кафе «Бродячая собака» имело свой собственный гимн, «слова и музыка которого были написаны к первой его годовщине Михаилом Кузминым» [5, с. 510–511]. Кузмин, собственно, и начинал как музыкант, композитор, и его тексты находились в своего рода подчинённом положении по отношению к мелодии. У Вертинского же, напротив, текст определял мелодию исполнения.

А. Вертинский был предтечей синтетического жанра авторской песни, и уже поэтому понимание глубинных смыслов стихо-песен артиста невозможно без обращения к его исполнительской манере, неслучайно многие последователи и исполнители его песен не смогли повторить собственные ему интонацию, жестикуляцию, паузы и, как следствие, не смогли адекватно выразить их содержание. В этой связи можно говорить об образе автора-исполнителя, который создавался на сцене. В ранний период творчества А. Вертинского таким средством «авторпрезентации» становится маска Пьеро, с помощью которой биографический автор отдаляется от своих произведений и как бы передаёт их вымышленному автору-персонажу. Вертинский создал свой жанр лиро-эпической песни-баллады, которая объединяла песенную мелодику и изобразительно-выразительные поэтические средства. «Я стал писать песенки-новеллы, где был прежде всего сюжет. Содержание. Действие, которое развивается и приходит к естественному финалу» [2, с. 88]. Большинство его песен имеют напряжённый драматический сюжет, они сочетают повествовательно-эпическое начало со стихотворно-лирическим, поэтому их можно отнести к лиро-эпике. Если же в стихотворении сюжет, развёрнутый в повествование, отсутствует, то следует говорить

и лирическом субъекте как проявлении авторского «Я» в стихотворении, отражающим утверждаемую автором систему ценностей. Как отмечал Ю. Дмитриев, Вертинский не был чужд экзотике, но многие его песни «были связаны с окружающей действительностью. Они говорили о молодёжи, о том поколении, которое, отвергая существующие формы жизни, не находило выхода из создавшихся условий, и это приводило их в отчаяние...» [6, с. 206].

В Москве молодой Вертинский включился в театральную-богемную жизнь: «В наше мире богемы (а я пишу только о нём) каждый что-то таил в себе, какие-то надежды, честлюбивые замыслы, невыполнимые желания, каждый был резок в своих суждениях, щеголял надуманной оригинальностью взглядов и непримиримостью критических оценок < . . . >. А над всем этим гулял хмельной ветер поэзии Блока, отравивший не одно сердце мечтателя о Прекрасной Даме, о Незнакомке...» [2, с. 67]. Найденный Вертинским жанр отвечал потребностям времени. «На смену романтически-мистическому отношению к жизни символистов пришло и очень скоро стало господствующим отношение буржуазно-богемное. Порождением такого стиля жизни были очень популярные в то время кафе-клубы «Бродячая собака» и «Приют комедиантов», – верно отметил Б. Тух [7, с. 165]. Он утверждает, что в самом понятии буржуазности, в стремлении к нормальному комфортабельному существованию нет ничего плохого. Б. Тух полагает, что буржуа может быть и легкомысленным, происходит это «от ощущения комфорта, от того, что всё, нужное для нормального человеческого существования, им достигнуто. Это легкомыслие в богемной среде принимает вид несколько карнавальное» [7, с. 166]. Мы бы добавили, что, как это ни звучит парадоксально, буржуазность может предполагать и эпатаж, который помогает радоваться жизни, нарушая её однообразие. Поэтому, скажем, в «Бродячей собаке» выступали футуристы. В своих мемуарах А. Вертинский вспоминает, как возмущало публику чтение стихов Маяковским: «Ему свистели. В кабаре и в кафе в него летели бутылки. Помню, как я ловил их и швырял обратно в публику, когда мы выступали как-то в Петрограде в «Бродячей собаке», и как Борис Пронин – директор кабаре – вывел нас через чёрный ход на улицу, спасая от разъярённой толпы» [2, с. 84]. Но, говоря о своей публике, Вертинский отмечает, что она слушала его песни «с вниманием, интересом и сочув-

ствием» [2, с. 89]. Он полагает, что ему удалось угадать то, что требовалось в то время, но вместе с тем отмечает: «Как и всё новое в искусстве, мои выступления вызывали не только восторги, но и целую бурю негодования» [2, с. 88–89].

А. Кушнер в своих «Заметках на полях» отметил: «Русской поэзией XX века был открыт человек, борющийся за то, чтобы остаться человеком в мире зла» [8, с. 130]. Такой персонаж появляется и в ранней лирике А. Вертинского. Судьба его лирического героя трагична. Например, в стихотворении «Пей, моя девочка, пей, моя милая» (1917) в рефрене мы встречаем характеризующее героев обобщение:

Оба мы нищие, оба унылые,
Счастья нам не дано [2, с. 284].

О драматичной судьбе героев говорят и слова:
Выпили нас, как бокалы хрустальные
С светлым душистым вином [2, с. 285],

где хрустальные бокалы сопоставимы с чистой души. С нежностью и болью лирический герой обращается к героине – «моя девочка», «моя милая». В его словах мы слышим покорность судьбе. Сострадание к униженному – нравственный принцип, которому поэт останется верен на протяжении всего творческого пути.

Всё творчество раннего Вертинского обусловлено построением иллюзорного экзотического пространства, для характеристики которого наиболее часто используются образы пляжа, моря, океана, Парижа, Дамаска, Венеции, чрезвычайно далёкие от повседневной российской действительности. Они вызывают особый настрой у читателя, слушателя, зрителя и создают другую, отличную от повседневности, реальность. Причём эти экзотические образы встречаются не реже, чем маркеры реального мира, свидетельствуя об их особой

задаче: организации экзотического пространства, способного увести обывателя от серых будней, а зачастую и печальной реальности. Причём автор-артист в этом экзотическом мире чувствует себя неудобно, он устал «от белил и румян» [2, с. 276] и вынужден прятаться за маской Пьеро. Но этот уход в экзотический мир способствовал привлечению внимания широкой публики. В этом случае автор шёл навстречу своим зрителям: «Что такое артист? Человек, который претендует на внимание публики <...> Но для того, чтобы занимать своей персоной внимание деловых, занятых и серьёзных людей, надо быть неисчерпаемо интересным, значительным, многогранным» [2, с. 410–411]. Вертинский успешно справляется с этой задачей. Отметим, что в этом он не был оригинален. Скажем, в экзотический мир уводит своего героя Н. Гумилёв. А несколько раньше А. Блок написал такие строки:

Случайно на ноже карманном
Найдёшь пылинки дальних стран,
И мир опять предстанет странным,
Закутанным в цветной туман
(«Ты помнишь? В нашей бухте сонной...»)
[9, с. 427].

В такой «цветной туман» окутаны и лирические герои Вертинского, хотя они и отличаются от лирических героев Блока и Гумилёва детской доверчивостью, жизненной беспомощностью и простотой чувств.

Выводы. Таким образом, раннее творчество А. Н. Вертинского формировалось под влиянием традиций поэтов Серебряного века, как на идейном уровне, так и на уровне образов, а форма «ариев» и особенности выступлений артиста говорят о преемственности традиций русских поэтов-исполнителей начала 20 века.

Список литературы:

1. Черняк М. А. Массовая литература XX века: учеб. пособие М. : Флинта: Наука, 2007. 432 с.
2. Вертинский А. Н. Дорогой длиною... : мемуары, стихи и песни, рассказы и зарисовки, письма, фотографии / Александр Вертинский ; сост. и вступ. ст. Ю. Томашевского. М. : Астрель: АСТ, 2009. 607 с.
3. Соколова И. А. Авторская песня: определения и термины. URL: http://www.ksp-msk.ru/page_40.html.
4. Мандельштам Н. Я. Вторая книга: [Воспоминания об О. Мандельштаме...]. М. : Моск. рабочий. 560 с.
5. Лившиц Б. Полутораглазый стрелец: Стихотворения, переводы, воспоминания. Л. : Сов. писатель, 1989. 720 с. Ил. 8 л.
6. Дмитриев Ю. А. Театры миниатюр. Русская художественная культура конца XIX – начала XX века. М. : Наука, 1977. С. 191–207.
7. Тух Б. И. Путеводитель по Серебряному веку. Краткий популярный очерк об одной эпохе в истории русской культуры. М. : Издательство «Октопус», 2005. 208 с. 2-е изд.
8. Кушнер А. Заметки на полях. Вопросы литературы. Апрель 1990. М. : Известия. С. 129–157.
9. Блок А. А. Стихотворения. Поэмы. Театр. М. : Худож. лит. , 1968. 840 с.

**ПРО ТРАДИЦІЇ ПОЕТІВ СРІБНОГО СТОЛІТТЯ
В РАННІЙ ТВОРЧОСТІ А. Н. ВЕРТИНСЬКОГО**

Рання творчість А. Н. Вертинського формувалася під впливом традицій поетів Срібного століття як на ідейному рівні, так і на рівні образів. У статті розкриті традиції творчості цього автора.

Ключові слова: поезія, образи, традиції.

**ON THE TRADITIONS OF THE POETS OF THE SILVER AGE
IN THE EARLY WORKS OF A. N. VERTINSKY**

Early work of A. N. Vertinsky was formed under the influence of the traditions of the poets of the Silver Age both at the ideological level and at the level of images. The article reveals the traditions of this author's creativity.

Key words: poetry, images, traditions.